

ПРОЛОГ

2019. ОКТЯБРЬ

У НОЧИ ТЫСЯЧИ ГЛАЗ/

NIGHT HAS A THOUSAND EYES

[1948 г.] 81 мин.

...Взяли и сдохли.

А все потому, что не смогли приспособиться к озеру, чьи воды разъедали их плоть. Никто бы не выжил в этом концентрированном соляном растворе, так почему рыбы должны быть исключением? Вопрос лишь в том, как быстро наступила смерть и насколько мучительной она была. Или это уже два вопроса?

Мнение рыб решающего значения не имеет.

Комната, в которой я нахожусь, — не больше восьми метров, и Шошо бы она точно не понравилась. Я все время думаю о Шошо, когда устаю плакать и убеждать себя, что это ночной кошмар и он вот-вот кончится. Или хотя бы трансформируется в другой сон, не такой ужасный, хотя ничего ужасного в этой комнате нет.

Она чистая.

Возможно, полумрак скрывает истинное положение вещей. И если в комнате когда-нибудь зажжется

яркий свет, то я увижу стены, исцарапанные ногтями тех, кто был здесь до меня. Наверное, им тоже хотелось проснуться. И они так же кричали, срывая голос, и плакали, пока хватало сил, и засыпали. Вернее, проваливались в небытие, потому что я тоже проваливаюсь в небытие. И это можно считать передышкой. Блаженным отдохновением перед встречей с Комнатой, где все продумано до мелочей. Подсказано теми, кто был здесь до меня. Их рыданиями, мольбами, тупым безразличием, опустошенностью, напрасными надеждами на то, что кошмар закончится.

Для них он уже закончился, иначе я бы здесь не оказалась.

Так подсказывает мне здравый смысл: время от времени он выныривает из мрачных глубин смятения и страха, в которых я тону и захлебываюсь уже много... часов? дней? Скорее всего, речь идет о днях, бедный Шошо!.. Но я могу ошибаться, потому что времени здесь не существует. Есть лишь бодрствование и сон: они сменяют друг друга когда вздумается — и одинаково беспощадны ко мне. Здравый смысл тоже беспощаден. Он, как дельфин, подталкивает меня к поверхности из толщи вод — туда, где покоится простая и ясная мысль: спасения нет. **А еще**, — стрекочет и насвистывает здравый смысл, — **эта Комната будет последним воспоминанием в твоей жизни.**

Иногда стрекот и свист затихают, иногда становятся нестерпимыми и разрывают барабанные перепонки. И мне хочется убить проклятого дельфина, вспороть его гладкую резиновую кожу, искромсать

на куски — сотни маленьких кусков, тысячи. Лишь бы наступила тишина.

Но здесь и так тихо. Как в склепе, как в гробу.

Это и есть склеп. Параллелепипед, вытянутый в длину.

В комнате нет окон, но имеется дверь — на короткой стороне параллелепипеда, справа от меня. Дверь железная и абсолютно гладкая, как прозекторский стол (почему я думаю о прозекторском столе?). Железный и абсолютно гладкий стул привинчен к полу, он стоит ровно посередине комнаты, метрах в полутора от кровати. В любое время я могу сползти с нее и посидеть на этом стуле. И посидеть на унитазе, втиснутом в угол между кроватью и стеной. Он такой же чистый, как и Комната, о бумаге тоже позаботились...

Кто?

Тот, кто находится там, за гладкой железной дверью, и смотрит на меня глазами Лорен Бэколл. Ее черно-белая фотография висит на противоположной стене, или это киноплакат? Никак не удастся определить с размерами, плакат-фотография не слишком большой, но и не маленький, я вижу лицо Лорен во всех подробностях. Была ли она здесь в то время, когда остальные жертвы царапали ногтями стены?

Бугорки от клея.

Их шесть: два по бокам в верхней части плаката, два — в нижней, два посередине. Расстояние между бугорками совершенно одинаковое и кажется тщательно вымеренным линейкой. Бугорки никак не касаются лица Лорен — оно безмятежно. Из этого

следует, что ТотКтоЗаДверью испытывает слабость к золотому веку Голливуда. А еще — он педант.

Ничего из этого не следует.

Это просто фотография или плакат. В самом дальнем углу Комнаты, под потолком, висит камера, о существовании которой я бы никогда не догадалась — такая она крошечная, *такая стеснительная*. Мерцающий зеленый огонек — вот что ее выдает. Он не успокаивает, не утешает, и глупо ждать от него сочувствия. И от бумажной Лорен — глупо, и от железного стула посередине комнаты. Сейчас на нем стоит бутылка с водой и печенье в пластмассовой кюветке. Круглые, твердые галеты — пятнадцать штук. Мой дневной рацион. Или ночной. Поначалу я к ним не прикасалась. Затем заставила себя съесть все пятнадцать — не потому, что умирала от голода, а... Почему? Из-за камеры под потолком. ТотКтоЗаДверью явно следит за мной, и, чтобы пополнить запас галет, ему придется войти сюда. Больше всего на свете я боюсь этого.

Больше всего хочу.

Я хочу ясности. С того самого момента, как оказалась здесь.

Но вместо человека приходит легкое угрожающее шипение: примерно такие звуки издает змея, стоит только ее потревожить. Я никогда не тревожила змей, по своей воле — уж точно. Несколько раз я держала их в руках, а однажды даже позволила обвить себе шею — в Марракеше, посередине туристической толпы, на площади Джамаа-эль-Фна. При этом хозяин змеи — темнолицый пройдоха-араб — одобрительно

щелкал языком и пальцами: *хасанэн, хасанэн!* Что это значит, я не помню. Но наверняка запомнила бы, если бы осталась в Марракеше.

Я могла бы остаться в Марракеше.

Или в Сплите, или в Стамбуле, или в Саламанке. И в том маленьком курортном городке в Доломитовых Альпах, где познакомилась с Атилой. На третий день знакомства он предложил мне стать его женой. Штатный инструктор на горнолыжном курорте, да еще — итальяшка, разве можно относиться к его словам серьезно? Но он был милым и не был итальяшкой — венгром. Если бы я только согласилась!.. Если бы я согласилась — не оказалась бы здесь. Тысяча вещей могла уберечь меня от Комнаты, сотня городов — укрыть. В какой момент все стало необратимым? До Комнаты был четверг, ничем не примечательный день. Такой же, как и все остальные. Четверг и ожидание субботы: в субботу мы должны были отправиться на шопинг с Дашкой, моей лучшей и единственной подругой. Почему, ну почему Комната случилась со мной, а не с ней? Это было бы справедливо, ведь Дашка — глупая. Глупее только угги и еще кеды на платформе. Все то, что носит Дашка, — глупо и украшено стразами. И бессмысленными пайетками, похожими на чешую.

Глупая Дашка работает продавцом-консультантом в магазине «Рив Гош», умная я — администратором в секс-шопе.

«Розовый опоссум».

Волосы у меня тоже розовые, на ногтях — черный лак, а еще — наполовину сбритая левая бровь и та-

тушка на шее — цветок орхидеи. Татушку мне набили в Салониках.

Я могла бы остаться в Салониках.

Розовое и черное — из-за этого все стало необратимым?

Или из-за «Опоссума»?

Я могла бы устроиться в «Рив Гош». В «Л'Этуаль», «Л'Окситан», в «Иль де Ботэ» — в любое место, где вкрадчивым голосом предлагают духи, косметику и туалетную воду, почему я этого не сделала?

Мое знаменитое чувство юмора. Широко известное в узких кругах.

Не очень-то оно монтируется с респектабельными брендами от пяти с половиной тысяч. А с вибраторами, смазками, вагинальными шариками — вполне. Я всегда отпускаю сомнительные шуточки, когда рекламирую посетителям товар. В «Опоссуме» (соседняя с Дашкиным парфюмерным раем подворотня, далее — вход в арку, по стрелкам, второй двор) они идут на ура.

Мое знаменитое чувство юмора покинуло меня. Взяло и сдохло — как те рыбы в соленом озере.

Шошо тоже умрет.

Когда кончится корм в миске, когда кончится вода. Маленький канадский сфинкс Шошо заперт в квартире, которую я снимаю чуть больше полугода. Ее хозяйка давно перебралась к дочери в Португалию, вторая дочь живет в Коломьягах, недалеко от станции метро «Пионерская». Португалия и Коломьяги равноудалены от Комнаты, дочь хозяйки зовут Анна — ту, которая из Коломьяг, она же передавала мне ключи. Милая,

интеллигентная женщина лет сорока, волосы забраны в пучок, воспроизвести в памяти лицо не получается. Пару раз я задерживала выплаты, но Анна не надоедала звонками. Милая. Интеллигентная. Позволила вселиться вместе с Шошо, хотя обычно владельцы квартир не особенно рады чужим домашним любимцам.

Почему не она? Почему я?

Бесполезно спрашивать об этом у зеленого глазка камеры. Змеиное шипение идет снизу, в самый последний момент я понимаю откуда именно: две узкие вентиляционные решетки у самого пола. Сквозь них в Комнату проникает белесый туман со сладковатым привкусом. Я обреченно наблюдаю за ним — минуту, или больше, или целую вечность, а потом соскальзываю в беспамятство. Успев напоследок подумать: если это конец, то лучшего конца в моем положении придумать невозможно. Я умру, тихо и безболезненно, душа отделится от тела, а что случится с ним потом и в каком виде оно найдется — мне в общем все равно.

Мама. Мамочка, мамочка, моя мамочка. Пожалуйста, пожалуйста! Забери меня отсюда...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2019. НЕМНОГО АПРЕЛЯ И ИЮНЬ

ДОМ ПОСТОРОННИХ/HOUSE OF STRANGERS

[1949 г.] 101 мин.

...О чем он подумал, когда увидел тело девушки? Первой жертвы того, кого впоследствии назовут Альтистом. *Как же аккуратно все сработано* — вот о чем.

Аккуратно, почти любовно.

Мысль, учитывая обстоятельства, выглядела едва ли не кощунственной, но не несла в себе опасности. Не обжигала. Просто констатация — и все тут.

Рабочий момент.

Вся жизнь Брагина состояла из подобных рабочих моментов — как и любая другая профессиональная жизнь. Врача, к примеру, или спасателя, или забойщика скота — тех, кто так или иначе связан со смертью. Приходится заслоняться от нее любимыми доступными способами, вот и возникает своего рода деформация. Что-то вроде воздушного пузыря вокруг башки, который позволяет дышать, когда погружаешься в чертов ад.

Чертов ад.

Стоило приблизиться к девушке, чтобы понять, что это именно он. Стоило только увидеть ее лицо.

Серия. Такой была вторая мысль, сразу затмившая первую.

Серия, а не просто убийство.

Довольно долго прослужив в органах, Брагин успел несколько раз столкнуться с Сериями, и именно этот вид преступлений был самым чудовищным. Расследовать их, стоя по горло в крови невинных, — врагу не пожелаешь. И к виду растерзанных и поруганных тел невозможно привыкнуть, как и объяснить звериную жестокость насильников. Впрочем, и объяснять не надо. Зверь — он и есть зверь и должен быть изловлен. В идеале посажен на кол и живьем изрублен на куски. Так думает Брагин-человек. Он думает еще о множестве вещей: о мести, о каре, о Божьих Мельницах, чей неспешный ход сводит с ума. Брагин-следователь всего лишь выполняет свой долг. А долг заключается в том, чтобы, изловив зверя, передать его в руки правосудия. И никакого суда Линча, никакой самодеятельности.

Об этом постоянно приходится напоминать себе, чтобы не сорваться.

Вот он и старается не сорваться, вглядываясь в лицо девушки. Что-то с ним не так. Не сразу и поймешь, что именно.

Поначалу Брагин ощутил легкое, прошедшее краем недоумение: уж больно оно — лицо жертвы — несовременное, таких сейчас не существует в природе. Их встретишь разве что в замшелых, ч/б фильмах, но Брагин не любитель подобного кино. И вообще все, что связано с кино, — для него в последнее время табу.

Включая Леху Грунюшкина, старого университетского приятеля, последние лет пятнадцать подвизавшегося на ниве производства телемыла для федеральных каналов.

Воспоминание о Грунюшкине не заняло и трех секунд, а потом стерлось и все остальное. Кроме лица девушки. Нет, не лица...

— Мать твою, — выдохнул стоявший рядом с Брагиным капитан Вяткин. — Это маска, что ли?

Вот что привело Брагина в смятение. Не то, что лицо было мертвым. А то, что оно никогда не было живым. Восковая маска.

Слепок.

Искусно выполненный и аккуратно подогнанный к тому, что осталось от настоящего лица задушенной девушки.

Ничего от него не осталось. Сочащийся сукровицей кусок мяса.

Но это выяснилось позже, а пока девушка была безупречна.

Безупречная фигура, молочно-белые ноги, длинные, струящиеся, хорошо промытые волосы. Никаких видимых следов истязаний, кроме едва заметно стертой кожи вокруг щиколотки — судмедэксперту Пасхаверу это позволило утверждать, что какое-то время жертву держали на цепи. Рваная странгуляционная борозда тоже не сразу бросалась в глаза — она была задрапирована легким шелковым платком. Повторяющиеся изображения человеческих рук, в центре платка — две раскрытые ладони с глазами, та еще психоделика. Молодой и неумный Паша Однолет,

подчиненный Вяткина, с которым следователь Сергей Валентинович Брагин уже успел отработать несколько дел, даже провел небольшое исследование относительно рукоглазых символов. И по всему выходило, что это — хамса, знак Мариам, или рука Фатимы (так себе открытие, отдающее пляжным анталийским отдыхом *all inclusive*). Не удовлетворившись столь банальным решением вопроса, он принялся рыть дальше и дорыл до Месопотамии, Карфагена и вульвы богини-девственницы Танит. Как превратить все это в удобоваримую версию, Паша не знал, и все его изыскания заглохли сами собой.

Платок — одна из двух вещей, надетых на девушку, вторая — пальто. Проклятое пальто надолго выбило Брагина из колеи еще и потому, что за неделю до этого Катя, жена Сергея Валентиновича, купила себе похожее... Кой черт — похожее?

Абсолютно такое же.

Темно-синее. Долгое, достигающее до середины икры. Чистая шерсть, идеальный крой, блестящие пуговицы в два ряда. Томми Хилфигер.

Пропади ты.

Стоял конец традиционно холодного питерского апреля, так что в пальто не было ничего удивительного. Все сразу решили, что оно принадлежит убитой девушке, кому же еще? Пальто оказалось новым, едва ли не только что купленным, без особых следов носки. Теоретически это могло бы стать следом — зыбким, но все же: при условии, что следствие располагает фотографией жертвы, пусть и посмертной. Снимок предъявляется в бутиках и магазинах, и, если девушка